

Тезисы выступления на международной научной конференции «Документ в контексте истории» (Омск - Астана, март 2006 г.)

О.В. Ищенко

Омск, государственный университет

**ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О НАСТРОЕНИЯХ В СРЕДЕ
ТОМСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В 1908-1909 гг. (по материалам ГА РФ)**

Письма – уникальный, ни на что не похожий вид исторического источника, обращение к которому может способствовать изучению широких общественных настроений. Письма имеют личностный характер. Их авторы в подавляющем большинстве случаев были уверены, что письмо не будет прочитано никем кроме адресата, поэтому доверяли бумаге самые сокровенные мысли и чувства. В XIX – начале XX вв. эпистолярный жанр был моден, телефон еще не заменил письменного общения людей. Было принято писать длинные письма, которые подчас становились едва ли не самостоятельными публицистическими или философскими произведениями. Это был особый жанр со своими нормами и канонами.

Письма представляют собой квинтэссенцию мыслей и чувств их авторов, зачастую это плод долгих рассуждений, попытка донести до адресата собственное понимание реальности. Письма не могут претендовать на объективное отражение действительности, но показывают как сама действительность, преломляясь через авторское сознание, отображалась на листе бумаги. Описание фактов, свое отношение к происходящим событиям, мысли и чувства по этому поводу – вот что есть в письмах. Поэтому письма наряду с другими источниками так привлекали внимание полицейских органов, давая важный дополнительный материал о настроениях в студенческой среде, происходящих событиях и пр. Образность, глубина рассуждений, стремление отразить то, что сокрыто в душе автора – вот качества, характерные для эпистолярного жанра, к сожалению, почти утраченного в наши дни.

Представляет интерес также и то, что в письмах отражены различные точки зрения на происшедшие события, причем разница во взглядах (зачастую диаметрально противоположных) в значительной степени была обусловлена общественной позицией их авторов. Это явно прослеживается, например, при анализе писем томских студентов 1908-1909 гг., сохранившихся в фонде Департамента полиции Государственного архива Российской Федерации. Данный период выбран не случайно, поскольку он характеризуется определенной двойственностью. С одной стороны, послереволюционный спад освободительного движения внес известный пессимизм в студенческую среду. С другой стороны, на общем фоне именно студенческое движение явно выделялось сохранением активности и даже попыткой проведения

протестных действий, свидетельством чего является, например, Всероссийская студенческая забастовка 1908 г. Указанная двойственность нашла свое отражение и в личной переписке участников событий.

Так, в ряде писем, датированных указанными годами, дается однозначно пессимистичная оценка состояния студенческого движения в Томске. В частности, один из студентов, вернувшийся в Томск в 1908 г., вспоминая бурные события революционного периода, печально писал: «Все, что было завоевано и продолжало существовать в жизни томского студенчества, все пошло насмарку». (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д.5. Ч. 63. Л. 51.) Эта же мысль прослеживается и в письме студента Томского университета: «У нас в университете пока все тихо, публика занимается делом и вряд ли ее можно раскачать. Губернатор наш учиняет на каждом шагу произвол над студентами, и студенты не хотят протестовать против этого... Университет замер». (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 9. Ч. 65. Л. 1.) Ему вторит и другой автор, студент Томского технологического института, писавший в сентябре 1908 г.: «В технологическом у нас масса нововведений и разные строгости... О забастовках, да вообще о сходках как-то даже дико и думать. Ребята здорово за науку взялись и зудят целые дни». (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 43. Ч. 10. Л. 16.)

Подобные настроения прослеживаются и в студенческих письмах, датированных 1909 годом. Так, в письме студента Томского технологического института от 29 ноября 1909 г. говорится: «Живем мы, как говорится, тише воды, ниже травы. С самой осени ни одной сходки, ни одного волнения. Занимаемся науками. Думаем только о зачетах... Крамолы уже давно не видал, не знаю, существует она или нет. Партийные организации в Томске спят безмятежным сном. Но, кажется, социал-демократы начинают пробуждаться, а социалисты-революционеры пока продолжают молчать». (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 213. Лит. 3. Л. 24.)

К радикальному изменению настроений в студенческой среде не привело даже введение новых учебных правил, грозивших исключением большому числу студентов, что отразилось в письме от 22 сентября 1909 г.: «Только что пришли со сходки, началась старая история: заботливое Министерство вводит новые «временные» правила. Они вносят существенное изменение в нашу жизнь и без того скверную... Положение получилось неважное, и если эти правила распространятся на старых студентов, то в этом году предстоит массовое увольнение, не менее 250-300 человек. По этому поводу собралась сходка, но, как и полагается по теперешним временам, народу было около трети состава. Сходка прошла вяло, речи были умеренные. Преподавание приближается к курсовой системе и можно ждать, что теперешняя публика примирится и с нею. С каждым годом публика все смирнеет и смирнеет. В этом году даже и речь не поднималась чтобы забастовкой добиться прошлогодних сроков в октябре

и марте. Ничего уже не может всколыхнуть это болото. Просто не верится, до чего мы дожили. Время успело успокоить и здешнюю бывшую такой революционной публику». (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 7. Ч. 59. Л. 18.)

Однако наиболее пессимистично оценивали ситуацию, сложившуюся в студенческой среде, представители революционных партий. Так, студент Томского технологического института Л. Красин (один из руководителей Томской организации РСДРП) в ноябре 1909 г. писал: «Вот я возвращаюсь теперь среди студенчества. Ни одного слова о политике, ни одной фразы о партиях и партийной работе. Все точно вернулись в какое-то благодатное царство, где нет вопросов о политике, о партиях, о необходимости нести свои лепты на алтарь общего блага. Ничего подобного. Все заняты своими ролями, своей индивидуальностью и своими впечатлениями. Существует много кружков научного характера, а наряду с ними кружок атлетический, кружок шахматистов, музыкальный и пр.» (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 5. Ч. 63. Л. 52.)

Созвучна этому мнению и характеристика студенческого движения, данная в марте 1908 г. студентом-эсером Н. Ванниковым, который, по сведениям полиции, в организации ПСР «играл первенствующую роль»: «Каково теперь настроение студенчества? Ответ самый безотрадный: каждый ушел в себя, из чертежных и лабораторий никого не вытянешь, и единственная после Рождества сходка не смогла собрать и 300 человек. Настроение упало. Хорошо еще, что я имею 2 кружка среди рабочих, а то студенчество совсем охладело». (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1908. Д. 9. Ч. 65. Л. 98.)

Однако наряду с констатацией спада студенческой активности 1908-1909 гг. в письмах прослеживаются и другие факты, свидетельствующие о том, что движение вузовской молодежи не исчезает полностью, но приобретает зачастую иные формы, которые, однако, не принимались во внимание представителями радикальных политических партий. Иллюстрацией этого может служить описание студенческого вечера, состоявшегося в Томске 24 октября 1909 г., во время которого по сведениям, поступившим в Департамент полиции, «часть присутствовавшей учащейся молодежи, с участием нескольких профессоров, собралась в громадном количестве в фойе, устроила там сходку, сопровождавшуюся произнесением зажигательных речей..., после чего началось пение революционных песен». Неизвестный автор, видимо, участник событий, так описал то, что происходило на вечере: «...Появились ораторы, публика... превратилась вся в слух, ведь так давно не было такого настроения, за эти годы реакции молодежь совершенно настроена не так, но все это копилось и вот прорвалось как большой нарыв, полилась материя с болью и слезами; понимаете, были лица, на которые было страшно смотреть, наконец заговорили все, получился такой шум, что разобрать

абсолютно нельзя..., пелись революционные песни и все, что могли сделать и сказать... молодые сильные и наболевшие души, потом всё превратилось в заразительное веселье, все стали близкими». (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 213. Лит. 3. Л. 7, 6.)

О бурном течении академической жизни в 1909 г. свидетельствует письмо студента Томского университета, датированное октябрем 1909 г.: «С треском начали мы, медики третьего курса, учебный год. С первой же курсовой сходки по академическим вопросам начался целый ряд инцидентов, которые едва не закончились было дракой...». (ГА РФ. Ф. ДП ОО. Д. 7. Ч. 59. Л. 27.)

В то же время в университете не утихали и протестные действия, связанные с ограничением допуска женщин в высшие учебные заведения после первой российской революции. Так, в письме от 4 октября 1909 г. говорится: «Медички-юристки не сидят сложа руки: посылали телеграмму в Петербург, но ответа от Государя не получили. Поехал Сапожников (ректор Томского университета. – О.И.) и обещал сделать что будет возможно. Девчата же ему не доверяют... выбрали двух депутаток и отправили их в Петербург, хотят добраться до царя... Все-таки надеются вымолить свой медицинский». (ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1909. Д. 7. Ч. 59. Л. 29.)

То есть приведенная выше группа источников явно свидетельствует о том, что студенческое движение в Томске никогда не затухало полностью.

Таким образом, анализ писем, авторами которых являлись непосредственные участники событий 1908-1909 гг. – томские студенты, дает возможность более полно представить сложную картину переплетения в студенческой среде различных, зачастую противоположных настроений и разнообразить наши представления о состоянии общественного движения в послереволюционный период.